

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
Національний авіаційний університет

Ahi Evran University (Turkey)

TESOL – Ukraine

НАЦІОНАЛЬНА ІДЕНТИЧНІСТЬ В МОВІ І КУЛЬТУРІ

Збірник наукових праць

Київ 2019

УДК 821.09(100)(082)
НЗ5

Національна ідентичність в мові і культурі: збірник наукових
НЗ5 праць / за заг. ред. А.Г. Гудманяна, О.Г. Шостак. - К.:Талком, 2019. - 318
с.

ISBN 978-617-7685-68-4

Збірник містить тексти доповідей XII Міжнародної конференції з питань національної ідентичності в мові і культурі, що відбулася 22-23 травня 2019 року на кафедрі іноземних мов і прикладної лінгвістики факультету лінгвістики та соціальних комунікацій Національного авіаційного університету (м. Київ, Україна).

УДК 821.09(100)(082)

Головний редактор:

А.Г. Гудманян, доктор філологічних наук, професор
(Національний авіаційний університет, Україна)

Редакційна колегія:

Е. Акіллі, доктор філософії (Історія), академік

Агі Євран університет, Киршехір (Туреччина)

О. В. Артюшкіна, кандидат наук з лінгвістики, доцент
(Університет Жан Мулен Ліон 3, Франція)

Н. О. Висоцька, доктор філологічних наук, професор
(Київський національний лінгвістичний університет, Україна)

Р. І. Дудок, доктор філологічних наук, професор
(Львівський національний університет імені Івана Франка, Україна)

Ю. Л. Мосенкіс, доктор філологічних наук, професор,
(Київський національний університет імені Тараса Шевченка,
Україна)

А. І. Раду, кандидат філологічних наук, доцент
(Львівський національний університет імені Івана Франка, Україна)

А. В. Чеснокова, професор
(Київський університет імені Бориса Грінченка, Україна)

О. Г. Шостак, кандидат філологічних наук, доцент
(Національний авіаційний університет, Україна)

С. М. Ягодзінський, доктор філософських наук, професор
(Національний авіаційний університет, Україна)

*Рекомендовано до друку Вченою радою факультету лінгвістики та соціальних комунікацій
Національного авіаційного університету (протокол № 3 від 15 травня 2019 р.)*

ISBN 978-617-7685-68-4

© Колектив авторів, 2019

© Національний авіаційний університет, 2019

Тамара Жужгина-Аллахвердян
доктор филологических наук, доцент
Горловский институт иностранных языков ДВНЗ «Донбасский
государственный педагогический университет»
г. Бахмут

«ЖЕЛЕЗНАЯ МАСКА» КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В данном исследовании «тайна Железной Маски» рассматривается как лингвокультурологический феномен, приобретший за четыре столетия своей истории значение трансдисциплинарного символа и «кочующего сюжета» с разнообразными историко-литературными и семантическими коннотациями. Легенда о таинственном пленнике Бастилии упоминалась в мемуаристике, эпистолярной литературе, исторических исследованиях, а также воплощалась в многочисленных

художественных сочинениях, как правило, с острой детективной интригой, независимо от жанра, имела документальную подоплеку, но ни один источник не давал точного, уверенного ответа на вопрос, кем в действительности был узник, вошедший в историю и литературу под именем-прозвищем Железная Маска. Имя нарицательное *le masque de fer*, заместив имя собственное, зажило отдельно от человека уже при его жизни, и продолжило свою жизнь после его смерти. Имя получило собственную историю, собственный нарратив, возвеличив отдельную судьбу до уровня трагедии и вызвав сочувствие к загадочному персонажу, ничего о нем не сообщив и тем сохранив государственную тайну. Из документов известно, что Железную Маску содержали в различных тюрьмах Франции – в Пиньероле, Экзиле, Сент-Маргерите, с 1698 г. его перевезли в Бастилию, а после его смерти 19 ноября 1703 г. тайно похоронили на кладбище при церкви Св. Павла в Париже. Известно также, что безымянный узник, проходивший «по реестру заключенных Бастилии» под «кодовым» именем *Le masque de fer*, на самом деле не был закован в железную маску, как рассказывают литературные источники, а носил черную бархатную маску венецианского образца с железными застежками (Цветков). За четыреста лет существования концепта «Железная Маска» интерес к тайне узника эпохи короля Людовика XIV, кардинала Мазарини и Анны Австрийской то затухал, то возрождался, достигнув пика в эпоху романтизма: во Франции, Италии, Великобритании, Германии, России исследователями и литераторами были выдвинуты «более полусотни «кандидатов» на роль таинственного узника».

В последние десятилетия прошлого века, помимо истории с прототипами, исследователей привлекала проблема книжной интерпретации легенды о Железной Маске, особенностей функционирования этого исторического феномена как культурологического и литературного типажа, реже – как интертекстуального феномена и образа-концепта.

Интертекстуальный прецедент ЖМ, как и прецедент культурно-исторический, был предметом компаративистского, сравнительно-исторического, текстологического и когнитивно-концептологического анализа в разных национальных культурах, в прозе и в поэзии. Имя рассматривалось в контексте меж- и внутритекстовых связей и отношений, в семантико-когнитивной

плоскости – как метонимический прецедент, как источник литературной игры, метаморфозы идеи (здесь: преступления и наказания), образа (таинственного незнакомца), сюжета (похищения или ареста, ссылки, тюремного заключения, содержания в заточении, в плену). В интеретекстуальной парадигме феномен ЖМ представляет интерес, прежде всего, с точки зрения изучения его структурно-текстуальных содержаний – реминисценции, аллюзии, цитаты, параллелизма, «вставки», «переноса», комментария и экспликации. Таковы экспликации у А. Дюма, не претендующего на изображение культурно-исторической правды, но искренне доверяющего мнению Вольтера, который считал, что таинственным пленником был законный претендент на королевский престол, старший брат Людовика XIV: «История этого необычного узника нуждается в объяснении как из-за суровости и длительности заключения, так и ввиду неясности причин, приведших к такой каре». Однако экспликация, не имеющая под собой документального подтверждения, порождает новые вопросы, на которые нет ответов: «Кто этот человек в маске?» и «Что явилось причиной такой невиданной кары вплоть до смерти арестанта?» Дальнейшее пояснение относится к игре воображения, не требующего аргументов: «Для того чтобы заставить воображение замолчать, нужны положительные, точные доказательства, а не просто рассуждения». В поэзии Виньи феномен ЖМ использован в качестве иллюстрации и подтверждения лирико-философского концепта и лингвокультурологической модели – имени-метафоры, классического метонимического переноса, не требующего пояснения и раскрытия тайны имени собственного, за которым стояла подлинная, а не вымышленная историческая личность. Поэту потребовался образ-концепт «Тюрьмы» для воплощения и доказательства идеи о страдании невинного и абсурдности мира, в котором человек обречен не на счастье, а на страдание. Метонимия и аллюзия пронизывают симметрично-асимметричные, символические и аллегорические конструкции поэмы, искусно встроенные антитезы и параллелизмы.

В романтизме образ и имя ЖМ занимает свое знаковое место в иерархической парадигме исторических имен (Людовик XIV, Мазарини, Анна Австрийская, Никола Фуке, м-ль де Лавальер, Карл I, Сен-Мар и др.) и имен литературных, вымышленных, смыкается с

концептами «страдание», «рабство», «одинокчество», «сиротство», «личная трагедия». В прямых и косвенных намеках на тщательно скрывающиеся истины, романтические авторы давали выход исследованию и воображению, не ограниченному тайными смыслами, но «лавирующему» между двумя основными атрибутами исторической правды – каменными стенами и железной маской. Герою, в течение 40 лет заточения носившему «кодовое» имя, символизировавшее тюремное рабство и скрывшее подлинное, данное при рождении и идентифицирующее его личность, было посмертно приписано «величественное благородство». Его тайну связывали «с самыми возвышенными интересами» и с жертвой, «возможно, принесенной во имя благополучия народов и спасения монархии» (А. Дюма). При этом и у Александра Дюма в романе «Виконт де Бражелон», в пьесе «Узник Бастилии», и у Альфреда де Виньи в поэме «Тюрьма», и у Виктора Гюго в пьесе «Близнецы», романтическое воображение, внешне ориентированное на историко-документальную и легендарную правду, было подчинено правде художественной, как подлинной и истинной.

В семантико-когнитивной парадигме правды романтики видят «прадоподобие», «хитросплетение», «вымысел», «домысел» вокруг исторических имен Эсташа Доже, Маттиоли, Фуке, д'Артаньяна, графа Вермандуа, интенданта Никола Фуке и др. А в парадигму тайны вплетена «истинность», «реальность», мемуарность, документальность. Рядом с «правдивыми» высокохудожественными историями о ЖМ стоят упоминаемые Александром Дюма малозначительные произведения – «Железная маска, или поразительные приключения отца и сына», «совершеннейшая нелепица шевалье де Муи» (1746), «нелепый роман Реньо-Варенна» и четырехтомное сочинение г-жи Генар (1837). Проблемы, обсуждаемые А. Дюма, относятся к числу «вечных», которые никогда не теряют своей интриги, сохраняют свою романтическую притягательность, таинственность, символичность. Отсюда двойственность, произвольность интерпретации образа таинственного незнакомца, его концептуальная продуктивность, семантико-когнитивная взаимозаменяемость и преемственность, как внутри лингвокультурологической парадигмы имени, так и в границах концепта тайны прототипа, с одной стороны, в рамках задокументированной государственной секретности, с другой – в

масштабах бытия, жизни и смерти, наделенных тропико-парафрастической природой культурно-исторического сознания и художественного языка.